

А. В. Курьянович¹

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ
В СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭЛЕКТРОННО-МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

A. V. Kurjanovich

**LINGUISTIC AND LEGAL ASPECTS OF SPEECH CONDUCT MEDIA
IN THE FIELD OF MODERN MEDIA COMMUNICATIONS**

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта
№ 15-04-00216.*

В статье речь идет об особенностях вербального поведения носителей в сфере электронно-медийной коммуникации в аспекте соответствия нормам права и существующего законодательства. Актуальность исследования определяется злободневной задачей повышения уровня лингво-правовой культуры членов социума, воспитания в каждом чувства ответственности за свое речевое поведение в условиях усиления вербальной агрессии как тенденции, свойственной современной межличностной и социальной коммуникации во всех ее сферах, включая электронное медиaprостранство. Акцентируется присутствие социальной доминанты в характеристике речевых действий пользователей сети, результатом чего выступает возможность квалификации речевых действий конкретных языковых личностей как противоправных. Обосновывается возможность наделения электронных медиа-текстов правовым статусом и рассмотрения их в качестве единиц доказательной базы, выполняющих функцию социального регулирования.

The article focuses on the features of verbal behavior of native speakers in the field of electronic media communication in the aspect of conformity with the law and existing legislation. The relevance of the study is determined by the topical problem of increasing the level of linguistic and legal culture of society members education in each sense of responsibility for their speech behavior under conditions of increased verbal aggression as the trend in interpersonal and social communication in all its spheres, including electronic media. Emphasizes the presence of a social dominant in the characterization of speech acts by network users, resulting in the qualification of speech acts language-specific personalities as illegal. Substantiates the possibility of giving electronic media texts legal status and considering them as pieces of evidence, performing the function of social regulation.

Ключевые слова: электронно-медийная коммуникация, юридическая лингвистика, речевая агрессия, инвектива, разряды инвективной лексики, судебная лингвистическая экспертиза спорного текста.

Keywords: electronic-media communication, legal linguistics, verbal aggression, invective, bits of invective language, judicial linguistic examination of the disputed text.

Одним из общепризнанных постулатов классической филологии является тезис о том, что язык – основное средство межличностного взаимодействия в разных его сферах: разговорной, деловой, политической, эстетической, медийной и пр. Особенности функционирования языка в его синхронно-диахроническом рассмотрении во всей полноте и многоаспектности отражают процессы, происходящие в социуме и закрепляющиеся в сознании носителей в разнообразных ментальных образах. Вопросы соотношения и взаимодействия языка и общества в культурном, морально-этическом, философском,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00216.

правовом срезе всегда были и остаются одними из ключевых для исследований социологов, юристов, психологов, семиотиков, этнографов, теоретиков массовой коммуникации и представителей других отраслей научного знания. В рамках современной лингвистической парадигмы, антропоцентричной и коммуникативной по своей сути, данная проблематика приобретает особую актуальность.

Отличительной чертой современной языковой ситуации выступает перенасыщенность речевого строя повседневной межличностной и социальной коммуникации словами и выражениями, содержащими в своем значении крайне негативные компоненты смысла [7, 14, 16]. Особенно ярко данная тенденция проявляется в сфере *медийной* коммуникации, осуществляемой посредством использования таких каналов связи, как пресса, радио, телевидение, Интернет, и в полной мере эксплицирующей особенности современной массовой культуры (И. В. Анненкова, А. Белл, Т. Ван Дейк, Т. Г. Добросклонская, Л. Р. Дускаева, Я. Н. Засурский, В. Б. Кашкин, В. Г. Костомаров, Н. Н. Кохтев, М. Монтгомери, Г. Я. Солганик, Н. Фейерклаф, Р. Фаулер и др.).

Значимой составляющей медийного взаимодействия является сетевое общение, реализуемое посредством передачи информации в *цифровом (электронном)* виде (Ю. Д. Бабаева, М. Б. Бергельсон, А. Е. Войскунский, Е. Н. Галичкина, Л. Ю. Иванов, М. К. Раскладкина, О. В. Смылова, Л. В. Самойленко и др.). К концу XX в. электронная коммуникация как явление социально-культурной жизни и отражение общемировых тенденций в России приобрела глобальный характер. Подавляющее большинство членов современного социума – пользователи Интернета, для которых данное средство массовой коммуникации и получения информации стало насущной жизненной потребностью: в скором времени «вырастет массовая аудитория, воспитанная не в атмосфере книжности, а в атмосфере мультимедиа» [17]. С позиций метатеории социальной коммуникации М. Маклюэна, Интернет выступает одним из каналов коммуникации, определяющим духовный и материальный прогресс человечества в рамках коммуникационной эпохи постнеокультуры в формате информационного общества [10]. Коммуникационные преимущества сети состоят в высокой скорости и глобальности масштабов передачи информации, ее доступности и поликодовости формата существования. Возможность свободного и анонимного участия в Интернет-коммуникации определяет большой охват аудитории потенциальных пользователей и возможность выбора форм взаимодействия: конференц-связи (conferencing), электронной почты (e-mail), форумов (Internet forum или message board), электронных досок (BB, bulletin board), групп новостей (newsgroups), список рассылки (mailinglists); систем быстрых сообщений (IM, Instant Messaging), чатов (chat rooms), видео- и голосовых конференций (video, voice conferencing), социальных сетей (social networks) и пр.

Главное отличие негативно окрашенных языковых средств, функционирующих в медиасреде, в том числе электронной, от так называемых «бытовых» заключается в наличии специально подобранных речевых тактик, а также в огромной силе их прагматического заряда. В электронной коммуникации вербальная агрессия проявляется в использовании наиболее изощренных технических способов навязывания пользователю ненужной информации – флейда, флуда, спама, троллинга и пр.

Ключевым параметром характеристики языковой личности, осуществляющей общение в пространстве медиа разных типов, является актуализация *социальной доминанты* в ее коммуникативном поведении. Авторы медийных текстов, включая те, которых функционируют в сети, демонстрируют осознание социальной идентичности (принадлежности какой-либо социальной группе), определенным образом заявляют о своей гражданской позиции в осмыслении острых социально-политических вопросов современной жизни, осуществляют риторически организованное взаимодействие с разными типами людей (единомышленниками, идеологическими противниками, представителями власти).

В свете выдвижения социального фактора в качестве ключевого в параметризации

свойств языковых личностей, взаимодействующих в масс-медиа, целесообразным видится изучение их речевого поведения в *правовом* аспекте. Данная задача требует рассмотрения стратегий и тактик, направленных на создание конфронтации в межличностных и социальных отношениях конкретного носителя с другими участниками взаимодействия. Лексическими репрезентантами подобных ситуаций выступают *инвективные* средства реализации авторской целевой установки, способствующие созданию негативного образа партнера по вербальной интеракции.

В пространстве современного вербального взаимодействия встречаются различные проявления речевой агрессии: навешивание ярлыков, «коммуникативный садизм» (Я. А. Волкова), «словесное издевательство» (К. Ф. Седов), «языковая демагогия», «языковое насилие» (Б. Я. Шарифуллин), «лингвистическая дискриминация», «речевое хулиганство» (Н. Д. Голев), «речевая манипуляция и речевое мошенничество» (Б. И. Осипов) и пр. Подобные речевые явления создают в пространстве вербального общения конфликтные ситуации, которые могут находить свое разрешение исключительно в рамках судебных разбирательств и получать разноаспектное осмысление сквозь призму постулатов юридической лингвистики [9]. В частности, конкретные носители языка могут быть привлечены в качестве фигурантов дел о защите чести, достоинства и деловой репутации и компенсации морального вреда (ст. 151, 152 ГК РФ), обвинению в клевете (ст. 129, 298 УК РФ), экстремистской деятельности, возбуждении расовой, религиозной, национальной и социальной ненависти и вражды (ст. 280, 282 УК РФ), рассматриваемых в рамках судебного разбирательства.

«С эколингвистических позиций языковая агрессия и языковое насилие (а также языковое манипулирование, языковая демагогия и т. п.) рассматриваются как формы речевого поведения, негативно воздействующие на коммуникативное взаимодействие людей, поскольку они направлены всегда на минимизацию и даже деструкцию языковой личности адресата, на его подчинение, манипулирование им в интересах автора высказывания» [19, с. 120]. В «Материалах к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» речевая агрессия определяется как «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [1, с. 96]. «Конфликтогеном» (В. П. Шеин), т. е. своеобразным «раздражителем», провоцирующим создание конфликтной речевой ситуации, может быть любая из форм проявления конфронтационной стратегии: агрессия, насилие, дискредитация, подчинение, принуждение, разоблачение, манипуляция, самоутверждение за счет партнера по общению и пр.

Прагматический вектор негативно окрашенных языковых единиц часто бывает направлен на конкретных лиц (как физических, так и юридических), в большинстве случаев при этом не учитываются особенности коммуникативной ситуации и не соблюдаются требования допустимости или оправданности с точки зрения морально-этических и нормативно-правовых норм. В таких случаях (поскольку объектом рассмотрения выступает текст) возникает необходимость процессуального использования специальных познаний в области лингвистики, что выражается в привлечении профессиональных лингвистов к производству судебных лингвистических экспертиз, решающих «широкий круг прикладных задач – идентификационных, классификационных и диагностических, – возникающих в связи с анализом речевой деятельности» [2, с. 63].

Вербальная агрессия как законодательно наказуемое действие маркируется присутствием в электронно-медийных текстах разной жанрово-стилевой ориентации лексических единиц инвективного характера, содержащих крайне негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент и используемых в целях оскорбления или унижения адресата.

Проблема инвективы и инвективности активно обсуждается в современной лингвистике (см. работы Н. Д. Голева, В. И. Жельвиса, В. Н. Капленко, Н. Б. Лебедевой, О. Н. Матвеевой, С. В. Сыпченко, В. С. Третьяковой, Т. В. Чернышовой, Б. Я. Шарифуллина и др.). На данном этапе уже не вызывает сомнений факт наличия у языка *инвективной функции* как

разновидности экспрессивной функции, тесно связанной с коммуникативной и когнитивной функциями. «Инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова» [3, с. 44].

При установлении фактов наличия инвективных слов и выражений в тексте, утвердительной формы подачи текстовой информации, присутствия в коммуникативном намерении автора умысла, а также относимости данной текстовой информации непосредственно на счет конкретного лица специалист-лингвист может решать вопрос об умалении достоинства человека в глазах окружающих. Заметим, что инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова человека, а в целом его как личность.

Очевидно, что понятие оскорбления получает соответствующую правовую оценку: любой человек, ставший объектом языковой агрессии, имеет полное право законным порядком защитить свои честь и достоинство путем обращения в суд для разбирательства. Речевое поведение в данном случае осмысливается не только в рамках этики межличностного взаимодействия, но и в юридически значимой плоскости. На этом фоне закономерным видится появление в современном научном пространстве дисциплин, занимающихся исследованием текстов с правовых и лингвистических позиций одновременно: автороведение, юрислингвистика, лингвоюрисдика, лингвистическая криминалистика, инвективознание, обсцентология и пр.

Оскорбление может быть выражено вербально и невербально, в прямой или косвенной форме. Оскорбление посредством слова можно определить как «способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под) группе как резкий или табуированный» [5, с. 23]. Говоря о типологии речевых средств создания инвективного прагматического эффекта («инвективного вокабуляра», по словам В. И. Жельвиса), можно выделить две группы лексических средств, создающих инвективный прагматический эффект в тексте: 1) слова, характеризующиеся присутствием в них инвективных оттенков смысла *изначально*; 2) слова, *приобретающие* подобный смысл в соответствующем контексте. Уместным видится здесь термин «инвективный континуум» (В. И. Жельвис), «с одного конца которого находятся слова общеизвестные, но осуждаемые в большинстве субкультур данной национальной культуры (обсценизмы), а с другого конца – слова, относительно приемлемые в некоторой речевой ситуации (литературные слова, обладающие явным инвективным потенциалом)» [5, с. 24].

Слова 1-ой группы принадлежат к так называемому «инвективному узусу». Этот пласт лексики достаточно древний и устойчивый, отражающий присутствие в языковом сознании носителей языка «специфических речевых фреймов» (Н. Д. Голев). Семантическое наполнение концепта «оскорбление» в современном понимании сближается с индоевропейским мифоэпическим представлением о магическом заговоре проклятия, когда в сознании человека сознательно культивировалась вера в божественное действие слова, причем магическая сила слова связывалась с негативным воздействием на другого человека (см. работы С. Г. Воркачева, В. И. Жельвиса, В. И. Карасика, Г. В. Кускова, М. М. Маковского, Ю. С. Степанова и др.). На современном этапе научного изучения данной проблемы выделяются *8 разрядов инвективной лексики* (подробнее: [12, с. 27–28]). Использование данных слов, например, в современном газетном тексте при условии непосредственной адресованности их какому-либо лицу является оскорбительным, т. е. умышленно затрагивающим честь и достоинство лица в неприличной форме.

2-ую группу образуют слова, которые, изначально не имея в своем значении инвективных (не путать с негативными!) оттенков смысла, приобретают их в условиях контекста с учетом определенных факторов текстообразования: характера намерений каждого из участников коммуникации, специфики взаимоотношений автора и адресата, особенностей ситуации общения, жанрово-типологической принадлежности текста, его стилистических параметров, в целом – коммуникативной стратегии и смысловой программы текста, определяющих средства и способы достижения определенного

коммуникативно-прагматического эффекта. Такие лексические единицы можно обозначить как «потенциально инвективные». В этом случае инвективны не сами слова, а их употребление в конкретной речевой ситуации. Инвективный потенциал языка, таким образом, может реализовываться не только при помощи инвективной лексики 1-ой группы, но и посредством неоскорбительной лексики 2-ой группы, выступающей в инвективной функции. «Использование языка в социальной жизни человека всегда содержит определенный потенциал «естественной» оскорбительности» [5, с. 5]. Любое слово в контексте может стать инвективой, т. е. восприниматься адресатом в качестве оскорбления.

Инвективная лексика (и фактическая, и потенциальная) – значительный пласт языкового материала. Чрезвычайно актуальной видится проблема ее систематизации, лексикографического описания и определения наиболее четких критериев для процесса маркировки лексических единиц как инвективных. Прагматическая сила речевого жанра оскорбления возрастает за счет наличия у этого жанра «коммуникативной перспективы», поскольку оскорбление предполагает непосредственную реакцию адресата [8]. Отметим также, что прагматика оскорбления обусловлена также гендерным, возрастным, профессиональным, культурным, национальным факторами.

Приведем пример неправомерного речевого поведения конкретных носителей языка в пространстве сетевой медийной коммуникации, в частности, – переписке в социальной сети «Facebook» [18]. На страницах «Facebook» зарегистрированные пользователи обмениваются информацией, которая, исходя из наших наблюдений, имеет преимущественно социально-политический характер. Нас заинтересовал жанр полилоговой переписки между пользователями сети, оформляемой в формате комментариев относительно определенных тем, постов, блогов. Так, 03.03.2016 г. «Facebook» опубликовал материал под названием «Что будет с курсом рубля? Экономист разобрал два прогноза: народный и экспертный» [18], созданный на основе сюжета, вышедшего ранее в эфире российского круглосуточного информационного телеканала «Дождь» в рамках передачи «Прямая линия» [6]. Публикация вызвала бурную и неоднозначную реакцию пользователей. В течение часа в его обсуждении приняли участие несколько десятков человек: 41 человек поддержал публикацию, поставив «лайк» («понравилось») и 36 откликнулись на проблему в виде комментариев.

В числе сообщений-комментариев, поступивших от различных по статусным свойствам представителей Интернет-сообщества, нами отмечены те, которые направлены на дискредитацию конкретных людей в глазах общественности. В речевой структуре этих высказываний присутствуют лексические единицы, создающие негативный образ и способствующие умалению чести, достоинства и деловой репутации названных лиц. В ряде случаев используются инвективные слова, употребление которых противоречит существующим в обществе морально-этическим и правовым нормам. Например, один из пользователей, выступающий в обсуждении под ником «Николай Воронцов», пишет: *«Да такие нищоброды и пивасосы ни разу в жизни \$\$\$ не видели и у руках не держали: --- главное, что водка из нефти ПУТИНКА дшевелел и на закусь хватит и чекистского сыра из пальмового масла! Вам бы на путинг сбегать за 250 рублей, да донос написать за 100 рублей --- жизнь удалась, да здравствует КГБ, миллиардеры в \$\$\$ США!!!»* (Прим. автора: текстовые фрагменты приводятся в авторской редакции) [18]. Суждение пользователя имеет ярко выраженный оценочный характер, в нем присутствует ирония, граничащая с сарказмом. Ряд лексем отличается содержанием в их значении устойчивых негативных компонентов, например, *нищоброды* – устаревшее слово, обозначающее «нищего бродягу» [4], в практике современного употребления отличается сниженным стилистическим звучанием; *закусь* – лексема, толкование которой в словаре снабжено стилистической пометой «прост.» [11, с. 209]. Особой прагматикой обладает лексема *путинг*, в данном контексте создающая комплекс негативных смыслов. Данная лексема, образованная с опорой на структурно-семантическую модель, в условиях синхронного функционирования имеет значение «мероприятие в поддержку Владимира Путина и партии «Единая Россия», значительная часть участников которого собрана угрозами или подкупом. Слово *путинг*

возникло в ходе протестов против фальсификации выборов в декабре 2011 и марте 2012 г., когда, в ответ на митинги против фальсификаций, власть организовала собственные в свою поддержку» [13]. Умело используемые автором графические способы (шрифтовые выделения, цифровые знаки и символы), а также стилистические приемы и средства усиливают общий негативный прагматический фон высказываний: *нищоброды и пивасосы, не видели и не держали* (ряды однородных членов предложения), *да здравствует КГБ* (риторическое восклицание). Однако, несмотря на присутствующие в тексте негативно окрашенные слова и выражения, он не может рассматриваться в качестве материала для судебного разбирательства, поскольку адресат здесь обладает свойствами обобщенного образа. Аналогичная характеристика адресата представлена и в другой реплике пользователя «Николай Воронцов»: *«В высшей Школе КГБ и от таких любителей оперов агентурные сообщения получал на папу, маму, брата, соседей и деньги предлагал, а ВВІ рабы отказывались и говорили, что это от чистого сердца!!! Хорошо у вас Нью Павликов Морозовых сердце работает, а вот головной мозг полностью отсутствует! Опер миллиардер обещает вам супер пенсию платить, ваша писулька--- в зачет!!!»* [18]. Обобщенный характер адресата передает использование личного местоимения в форме множественного числа *вы*, его графическое выделение в тексте прописными буквами. На решение данной авторской коммуникативной цели направлено также употребление имени собственного в функции нарицательного (*у вас Нью Павликов Морозовых*), которое называет не конкретное лицо, а целую группу лиц, объединенных на основании общего признака «жертва идеологического террора, способная на доносительство и предательство в отношении лиц из числа родственников».

Правовой статус приобретают негативно звучащие высказывания, адресованные конкретному лицу. При этом отношение текстовой информации к определенному пользователю устанавливается непосредственно за счет использования авторами соответствующих лексем-номинатов. Например, пользователь под ником «Юра Перчаткин» обращает к своему собеседнику «Николай Воронцов» фразу, имеющую негативно-ироническое звучание в его адрес, трансформируя при этом словесную форму ника последнего: *«Коля, ты точно в МГУ учился?.. Не. Не заканчивал ты МГУ...ну или что то с головой у тебя приключилось»*)» [18].

В аспекте соотносительности с вербальной агрессией показателем также диалог пользователей под никами «Александр Анатольевич» и «Николай Воронцов»: *«Александр Анатольевич: – ну ты и тролляка!!! Будь весьма осторожен в таких прогнозах, ведь покойный Немцов в ноябре 2014 года тоже делая прогноз на 2015 год назвал доллар по 150 рублей, помнишь? А на деле-то вона как вышло. Просчитался. Николай Воронцов: Александр Анатольевич Ну ты пехотинец из ичкерии, совсем уже обнаглел убийством угрожать??? Волчара мусорская обнаглевшая! Думаешь, тебя не будут чекисты бить по почкам, когда потащат в ГУЛАГ, а возьмут вертухаем и в расстрельную команду, так учти стукачек, дешевый киллер --- чекисты своих шестерок расстреляют первыми--- в АДУ черт, гореть будешь!!!»* [18]. В первой реплике чрезвычайно резко звучит обращенная в адрес конкретного лица окказиональная лексема тролляка, образованная по узуальной модели от глагола-жаргонизма *троллить* в значении «хамить в Интернете – в форумах, блогах и других формах интернет-общения. Чаще всего анонимно, скрываясь под псевдонимом или *меняники*; писать провокационные сообщения; пытаться разозлить собеседников» [15]. Ответная реплика в речевом отношении звучит еще в большей степени негативно. Вербальная агрессия в данном случае также направлена в адрес конкретного пользователя и средствами ее выражения выступают лексемы, обладающие изначально (вне соотносительности с контекстом, на уровне массового употребления) инвективными компонентами значения. Таковы, например, лексем-номинаты образа «Александра Анатольевича»: *пехотинец из ичкерии, волчара мусорская обнаглевшая, вертухай из расстрельной команды, стукачек, дешевый киллер, шестерка чекистов, черт*. Данный пример наглядно демонстрирует тот факт, что в сетевой переписке отправной информационный повод часто становится

неактуальным, а пользователи «переходят на личности», демонстрируя опыт ведения неэффективной дисгармоничной коммуникации.

Отметим, что проявление вербальной агрессии в сетевой переписке сегодня – не редкость. Анонимность общения в интернет-сфере обуславливает возможность демонстрации различных форм речевой вседозволенности и распущенности, так называемого «вербального виртуального произвола». Насколько сетевая переписка удовлетворяет требованиям, согласно которым текст может рассматриваться в качестве составляющей доказательной базы при обращении лица, посчитавшего себя оскорбленным, в суд? Анализ законодательных источников показал, что электронный текст не представляет исключения для того, чтобы стать объектом и одновременно эмпирическим материалом для рассмотрения в судебном порядке. Так, в соответствии с п. 11.1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный текст содержит информацию, «представленную в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [2]. В статье 71 «Письменные доказательства» Гражданского процессуального кодекса РФ говорится, что «письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным позволяющим установить достоверность документа способом. <...> Письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии» [2].

Однако при рассмотрении электронных текстов в качестве элементов доказательной базы могут возникнуть трудности, связанные как с определением круга лиц, участвующих в коммуникации не только в качестве непосредственно участвующих в переписке, но и предоставивших сетевое пространство для осуществления последней (собственники сайта как сетевого информационного ресурса, а также хост-провайдеры, разместившие информационный ресурс на своем сервере), так и с верификацией собственно речевых произведений, например, с точки зрения установления их авторства. Несмотря на имеющиеся сложности, при соблюдении определенных условий (адресованности текстовой информации конкретному лицу и наличия в речевой ткани текста инвективных лексических единиц) электронный медиа-текст приобретает правовой статус и становится единицей доказательной базы, выполняющей функцию социального регулирования.

Абсолютная «свобода слова», наблюдающаяся в современном обществе, обусловила появление ситуации потенциальной разрешенности инвективы и ее массового употребления в практике межличностной коммуникации. На этом фоне чрезвычайно актуальным видится изучение инвективной функции языка в ее конкретных текстовых воплощениях. По-прежнему злободневной, требующей участия специалистов-лингвистов, журналистов, педагогов, правозащитников, представителей общественности и власти, остается проблема деструктивного речевого взаимодействия в современном обществе на фоне резкого снижения общей культуры населения. Необходимы разработка и внедрение на практике целого комплекса мер, направленных на воспитание в носителях языка чувства ответственности за каждое сказанное слово, толерантности, уважения к другим людям, любви к своему языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Быкова, О. Н.** Речевая (языковая, вербальная) агрессия: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О. Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической организации. – Вып. 1(8). – Красноярск, 1999. – С. 37–41.

2. **Галактионова, И. В.** Судебная лингвистическая экспертиза / И. В. Галактионова, И.

М. Кобозева, Т. В. Коломийцева // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2003. – № 9. – С. 63–70.

3. **Голев, Н. Д.** Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 11–58.

4. **Ефремова, Т. Ф.** Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000. – Режим доступа: <http://efremova.slovaronline.com> (дата обращения: 05.03.2016).

5. **Жельвис, В. И.** Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика / В. И. Жельвис // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 98–108.

6. **Интернет-версия телеканала «Дождь».** – Режим доступа: <https://tvrain.ru> (дата обращения: 05.03.2016).

7. **Костомаров, В. Г.** Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – 3-е изд., испр. и доп. / В. Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 319 с.

8. **Курьянович, А. В.** Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – № 3. – С. 106–112.

9. **Курьянович, А. В.** Юридическая лингвистика: теоретические аспекты, практика экспертизы, опыт преподавания / А. В. Курьянович // Образование через всю жизнь. Проблемы образования взрослых в Западно-Сибирском регионе: материалы межрегион. науч.- практ. конф. – Омск: КАН, 2014. – С. 270–276.

10. **Маклюэн, М.** Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.; Жуковский: Канон-пресс: Кучково поле, 2003. – 464 с.

11. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

12. **Понятия чести, достоинства и деловой репутации.** Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004. – 328 с.

13. **Русская энциклопедия «Традиция».** – Режим доступа: <http://traditio.wiki> (дата обращения: 05.03.2016).

14. **Русский язык конца XX столетия (1985–1995)** / отв. ред. Е. А. Земская. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 478 с.

15. **Словарь молодежного сленга.** – Режим доступа: <http://teenslang.su/id> (дата обращения: 05.03.2016).

16. **Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI вв.** / отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 709 с.

17. **Соколов, А. В.** Электронная коммуникация / А. В. Соколов // Общая теория социальной коммуникации / Библиотека «Полка букиниста». – Режим доступа: http://polbu.ru/sokolov_communi/ch23_all.html (дата обращения: 05.03.2016).

18. **Социальная сеть «Facebook».** – Режим доступа: <https://www.facebook.com> (дата обращения: 05.03.2016).

19. **Шарифуллин, Б. Я.** Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы / Б. Я. Шарифуллин // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. – С. 120–132.